

Александр Грин

Таинственная пластинка

Александр Грин

Тайнственная пластинка

«Public Domain»

1916

Грин А. С.

Таинственная пластинка / А. С. Грин — «Public Domain», 1916

Как граммофонная пластинка помогла раскрыть изощрённое убийство.

© FantLab.ru

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8
V	9
VI	10
VII	11

Александр Степанович Грин

Таинственная пластинка

I

Крепко сжав губы, наклонясь и упираясь руками в валики кресла, на котором сидел, Бевенер следил решительным, недрогнувшим взором агонию отравленного Гонаседа.

Не прошло и пяти минут, как Гонасед выпил смертельное вино, налитое веселым приятелем. В тот вечер ничто в наружности Бевенера не указывало на его черный замысел. Как всегда, он непомерно хихикал, бегающие глаза его меняли тысячу раз выражение, а когда человека видишь таким постоянно, то эта нервная суетливость способна убить подозрение даже в том случае, если бы дело шло о гибели всего мира.

Бевенер убил Гонаседа за то, что он был счастливым возлюбленным певицы Ласурс. Банальность мотива не помешала Бевенеру проявить некоторую оригинальность в исполнении преступления. Он пригласил жертву в номер гостиницы, предложив Гонаседу обсудить вместе, как предупредить убийство, подготовленное одним человеком, известным и Гонаседу и Бевенеру, – убийство человека, также хорошо известного Гонаседу и Бевенеру.

Гонасед потребовал, чтобы ему назвали имена.

II

– Имена эти очень опасны, – сказал Бевенер. – Опасно называть их. Ты знаешь, что здесь, в театре, кулисы имеют уши. Приходи вечером в гостиницу «Красный Глаз», номер 12-й. Я там буду.

Гонасед был любопытен, тучен, доверчив и романтичен. В номере он застал Бевенера, попивающего вино, в отличном расположении духа, громко хихикающего, с карандашом и бумагой в руках.

– Рассказывай же, – сказал Гонасед, – кто и кого собрался убить?

– Слушай! – Они выпили стакан, второй и третий; Бевенер медлил. – Вот что... – заговорил он наконец быстро и убедительно, – сегодня идет «Отелло», Мария Ласурс поет Дездемону, а Отелло – молодой Бардио. Ты, Гонасед, слеп. Все мы, товарищи твои по сцене, знаем, как бешено любит Бардио Марию Ласурс. Она, однако, отвергла его искания. Сегодня в последнем акте Бардио убьет на сцене Марию, убьет, понимаешь, по-настоящему!

– И ты не говорил раньше! – взревел Гонасед, вскакивая. – Идем! Скорее! Скорее!

– Напротив, – возразил Бевенер, загораживая дорогу приятелю, – идти туда нам незачем. Какие у тебя доказательства намерений Бардио? Ты на шумишь за кулисами, сорвешь спектакль, бездоказательно обвинишь Бардио, и тебя же в конце концов привлекут к суду за оскорбление и клевету?!

III

– Ты прав, – сказал Гонасед, садясь. – Но каким образом известно тебе? И – что делать? Осталось час с небольшим времени скоро последний акт... Последний!..

– Как я узнал, – это пока тайна, – сказал Бевенер. – Но я знаю, что делать. Надо сделать так, чтобы Ласурс покинула театр, не допев партию. Напиши ей записку. Напиши, что ты покончил с собой.

– Как?! – изумился Гонасед. – Но какие причины?

– Причин у тебя нет, я знаю. Ты весел, здоров, знаменит и любим. Но чем же иначе выгнать Марию Ласурс? Подумай! Всякое письмо от постороннего, даже с сообщением о твоей смерти, она сочтет интригой, желанием взвалить на нее крупную неустойку. Тому бывали примеры. А кроме смерти близкого человека, что может оторвать артиста от милых его сердцу рукоплесканий, цветов и улыбок? Ты сам, собственной рукой должен вызвать Ласурс к мнимому твоему трупу.

– Но ты мне расскажешь о Бардио?

– Этой же ночью. Вот бумага и карандаш.

– Как она перепугается! – бормотал Гонасед, строча. – У нее нежное сердце.

Он написал:

«Мария. Я покончил с собой. Гонасед. Улица Виктория, гостиница „Красный Глаз“».

IV

Бевенер позвонил и отдал запечатанную записку слуге, сказав: «Доставьте скорей», – а Гонасед, повеселев, улыбнулся.

– Она проклянет меня! – прошептал он.

– Она будет плакать от радости, – возразил Бевенер, бросая яд в стакан друга. – Выпьем за нашу дружбу! Да длится она!

– Но ты непременно расскажешь мне о подлеце Бардио? Бевенер, мой стакан пуст, а ты медлишь... От волнения кружится голова... да, мне, видишь, нехорошо... Ах!

Он судорожно рванул воротник рубашки, встал и повалился к ногам убийцы, скомкав ползающими руками ковер. Тело его дрожало, шея налилась кровью.

Наконец он затих, и Бевенер встал.

– Это ты, рыжая Ласурс, убила его! – сказал он в исступлении чувств. – Моя любовь к тебе так же сильна, как и покойника. Ты не захотела меня. За это Гонасед умер. Однако я мастерски отклонил подозрение.

Он дал звонок и, прогнав испуганного лакея за доктором, стал репетировать сцену изумления и отчаяния, какую требовалось разыграть при докторе и пораженной Ласурс.

V

Правосудие в этом деле осталось при пиковом интересе. Подлинная записка Гонаседа к любовнице, гласящая, что певец покончил самоубийством, была неоспорима. Бевенер плакал: «Ах! – говорил он. – С тяжелым чувством шел я в эту гостиницу. Меня пригласил покойный, не объясняя зачем. Мы были так дружны... Стали пить; Гонасед был задумчив. Вдруг он попросил у меня бумагу и карандаш, написал что-то и распорядился послать записку Ласурс. Затем он сказал, что примет порошок от головной боли; высыпал в стакан, выпил и повалился замертво».

Самые проникательные люди разводили руками, не зная, чем объяснить самоубийство жизнерадостного, счастливого Гонаседа. Ласурс, поплавав, уехала в Австралию. Прошел год, и о печальной смерти забыли.

В январе Бевенер получил предложение от фабрики Лоудена напеть несколько граммофонных пластинок. Приняв предложение, Бевенер спел несколько арий за крупную сумму. Между прочим, он спел Мефистофеля: «На земле весь род людской» и, начав петь ее, вспомнил Гонаседа. Это была любимая ария умершего. Он ясно увидел покойного в гриме, потрясающего рукой, поющего – и странное волнение овладело им. Тело одолевала жуткая слабость, но голос не срывался, а креп и воодушевленно гремел. Кончив, Бевенер с жадностью выпил два стакана воды, торопливо попрощался и уехал.

VI

Месяц спустя в квартире Бевенера собрались гости. Артисты, артистки, музыкальные критики, художники и поэты чествовали десятилетие сценической деятельности Бевенера. Хозяин, как всегда, был нервно смешлив, проворен и оживлен. Среди цветов мелькали нежные лица дам. Сиял полный свет. Приближался конец ужина, когда в столовую вошел слуга, докладывая, что явились от Лоудена.

– Вот кстати, – сказал Бевенер, бросая салфетку и выходя из-за стола.

– Привезли граммофонные пластинки, которые я напел Лоудену. Я прошу дорогих гостей послушать их и сказать, удачна ли передача голоса.

Кроме пластинок, Лоуден прислал прекрасный новый граммофон, подарок артисту, и письмо, в котором уведомлял, что по болезни не мог явиться на торжество. Слуга привел аппарат в порядок, вставил иглу, и Бевенер сам, порывшись в пластинках, остановился на арии Мефистофеля. Положив пластинку на граммофон, он опустил к краю ее мембрану и, обернувшись к гостям, сказал:

– Я не совсем уверен в этой пластинке, потому что несколько волновался, когда пел. Однако слушаем.

VII

Наступила тишина. Послышалось едва уловимое, мягкое шипение стали по каучуку, быстрые аккорды рояля... и стальной, гибкий баритон грянул знаменитую арию. Но это не был голос Бевенера... Ясно, со всеми оттенками живого, столь знакомого всем присутствующим произношения, пел умерший Гонасед, и взоры всех изумленно обратились на юбиляра. Ужасная бледность покрыла его лицо. Он засмеялся, но смех был нестерпимо пронзителен и фальшив, и все содрогнулись, увидев глаза хозяина. Раздалась восклицания:

– Это ошибка!

– Гонасед не пел для пластинок!

– Лоуден перепутал!

– Вы слышите?! – сказал Бевенер, теряя силы по мере того, как голос убитого мрачно гнул его пораженную волю. – Слышите?! Это поет он, тот, которого я убил! Мне нет спасения; он сам явился сюда... Остановите пластинку!

Суфлер Эрис, белый, как молоко, бросился к граммофону. Руки его дрожали; подняв мембрану, он снял пластинку, но в поспешности и страхе уронил ее на паркет. Раздался сухой треск, и черный кружок рассыпался на мелкие куски.

– Мы были свидетелями неслыханного! – сказал скрипач Индиган, подымая осколок и пряча его. – Но что бы это ни было – обман чувств или явление неоткрытого закона, я сохраню на память эту частицу; ее цвет всегда будет напоминать о цвете души нашего милого хозяина, которого теперь так заботливо уводит полиция!